

СЕРГЕЙ
Зверев

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ БОЕВИК
БАСТИОН

ДРУГИЕ
ВОССТАНИЕ ПОТЕРЯННЫХ

Сергей Иванович Зверев

Восстание потерянных

Серия «Потерянный взвод», книга 5

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5018997

Другие. Восстание потерянных / Сергей Зверев: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-63117-9

Аннотация

Несколько лет назад капитан Стольников и его бойцы впервые попали в Другую Чечню – параллельный мир, дикий и страшный, где много лет бушует кровопролитная война, где правят жестокие законы, а жизнь человека ничего не стоит. Много воды утекло с тех пор. Другая Чечня со временем стала стратегически важной зоной: туда зачастили военные, там проводятся боевые и спасательные операции, что-то изучается. Но самые ответственные задания до сих пор поручают только капитану Стольникову – первооткрывателю параллельного мира. Вот и теперь перед ним поставлена сложнейшая задача – найти и уничтожить опасного преступника, пособника Аль-Каиды, который скрывается от правосудия на территории Другой Чечни...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	23
Глава 2	42
Глава 3	61
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Сергей Зверев

Восстание потерянных

© Зверев С., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

Стольников знал: есть ночи, которые могут длиться вечность. В такие ночи сидишь в лесу, окруженный бандой, идет дождь. Бойцы насквозь промокли, им хочется есть, но еще больше – пить. Несмотря на то что воды вокруг – хоть отбавляй. А в три часа с неба начинает падать снег. И бушлаты начинают парить, тяжелея. Боевики не прут напролом, потому что знают – скоро рассвет, и с разведзводом Стольникова будет покончено. А капитан Стольников молит о том, чтобы рассвет наступил. Оперативная рота бригады уже у подножия поросшего лесом холма, и только темнота мешает ей взойти на него, чтобы вывести группу. Боязнь перестрелять своих удерживает обе стороны от решающего броска. И ночь тянется, тянется... И нет конца ей. Уж скорей бы что-нибудь случилось.

А есть ночи, что пролетают как сон, в одно мгновение. Ложась спать, Саша надеялся, что ночь укутает его одеялом забытья, прижмет к себе и будет самой долгой из тех, что он знал. Но, проворочавшись на кровати в городке при НИИ три часа и забывшись, он был разбужен в семь и понял: ночи не было. Нет и свежести, на которую он рассчитывал. А есть боль во всем теле, тяжелая, как после похмелья, голова и желание не подниматься, а зарыться в одеяло с головой.

– Саша, спишь?

Это был голос генерала Зубова. Старик пришел не для того, чтобы укутать капитана, это ясно. Стольников устало улыбнулся.

– Сон хороший приснился? – спросил Зубов, включая свет. Уличные фонари светили в окно, освещая кровать капитана. Так что улыбку Стольникова генерал заметил еще за мгновение до того, как вспыхнул свет в комнате.

– Сна не было.

– Плохие новости.

– Разве хорошую вы принесете?

Еще одиннадцать лет назад такой диалог был бы невозможен. Сейчас – вполне. Формально Стольников генералу не подчинен, он всего лишь выполняет его просьбу. Прикрывает задницу, как сказал бы он одиннадцать лет назад метрах в пятистах от Зубова.

– Заключение покинули тюрьму.

Стольников как был – в трусах – резко поднялся и сел на кровати:

– Не понял.

Арестанты могли выбраться из «Миража» только одним способом – введя себе в кровь антидот, нейтрализующий ксеролит.

– Они его нашли.

– Кого его? – Еще не отойдя ото сна, Стольников соображал медленно.

– Нейтрализатор. Антидот. Они нашли его.

– В тюрьме был нейтрализатор?

– Именно.

– Зачем?!

– Москва настояла. Я был против, но начальству виднее.

– Зачем в тюрьме антидот вещества, удерживающего почти тысячу головорезов в одном месте?! – Он рывком поднял свое тело с кровати, смахнул со спинки полотенце и направился в ванную. – Мне надо умыться, товарищ генерал! – крикнул он оттуда. – Без этого я не смогу понять мудрости этой глупости!

Зубов отошел к окну и начал говорить, всматриваясь в светлеющие очертания гор:

– Мудаки, они велели везти антидот на тот случай, если случится пожар или что-то вроде этого.

Стольников вышел из ванной, вытирая полотенцем мокрое лицо:

– Гуманизм?

– Именно!

– Значит, везти в иной мир, в мир, в существование которого даже я поверить не могу, убийцу, и там его ширять депрессантами и прочей химией, допрашивать с пристрастием – это гуманно. А вот позволить ему сгореть – это не гуманно? Где логика?

– А ты спроси, в чем заключается логика! Сливать в этот регион космические суммы госбюджета, зная точно, что их разворуют и ни копейки не потратят на социальные нужды!

– Кремль откупается от «чехов», чтобы те не устроили третью чеченскую кампанию. Разве не понятно? – Стольников швырнул полотенце на кровать, подошел к шкафу и стал вынимать из него новый камуфляж. – Это всем понятно. Так что теперь с тюрьмой?

– Одновременно с тобой в Другую Чечню войдет подразделение конвойной службы, чистильщики, и тюрьма будет приведена в порядок.

– Подождите, подождите... – остановил его капитан. – Вы сказали – «одновременно со мной»?

– Да.

Саша сел на кровать:

– Вчера вы просили вынуть из тюрьмы троих отморожков, и я дал на это согласие, заручившись согласием бойцов. А сейчас, выходит, задание меняется ввиду отсутствия необходимости задания первого?

– Я еще ничего не говорил о твоём новом задании.

– А разве я давал на него согласие?

– Вчера вы мне дали согласие. Фактически вы уже на службе. Через несколько часов из Москвы вернется приказ о вашем назначении на должность. Все, как прежде – Стольников и его взвод. Правда, нового народцу добавится. Но тебе не привыкать, верно?

Видя, что Стольников ошарашен и растерян, генерал развернул его к себе:

– Саша, хочешь снова пуститься в бега? Беги! Но в этом

случае я помогать тебе уже не стану. Я прикрыл тебя в Инсбруке, в Киеве, в Мюнхене.

– В Мюнхене? – недоуменно проговорил Стольников.

– Именно так. Спецслужбы вышли на тебя в отеле «Германика». Не помнишь, почему ты оттуда бежал?

– Меня предупредил портье...

– Мой человек тебя предупредил! Хочешь свободы – бери ее. Сколько сможешь оставаться без наблюдения? Год, два? Что потом? Потом ты знаешь, что будет. Пока для тебя единственный шанс остаться в живых – находиться под моим началом. И твоим людям я советую делать то же, потому что самое безопасное для вас место на планете сейчас – это рядом со мной, понял?

В комнату без стука вошли бойцы. Сначала Ключников с Масловым, через пару минут – Айдаров с Баскаковым. И уже следом завалились Мамаев и прапорщик Жулин.

– Через пятнадцать минут в актовом зале совещание. Как только оно закончится, вы выступаете. Вопросы есть?

Стольников сидел и молча смотрел в стену.

– Мы что-то пропустили? – поинтересовался чисто выбритый и хорошо выспавшийся Жулин.

– Командир расскажет, что вы пропустили! – бросил Зубов и, уже выходя, напомнил: – Через пятнадцать минут вы или заходите в актовый зал, или выходите за территорию городка. Вас выпустят и под охраной доставят в аэропорт «Северный», Моздок или Нальчик. Выбирайте.

Дверь захлопнулась.

– Да что случилось-то? Чего это Батя такой активный?

– Все очень похоже на то, что мы в западне, ребята, – про-
бормотал капитан.

– Но вчера мы сами дали согласие на это, – напомнил Жу-
лин, распечатывая пачку сигарет.

Стольников промолчал. Затянувшуюся паузу занял Ключ-
ников:

– А что делать-то надо?

– Сейчас вам расскажут, – сказал Стольников, поднялся
и вынул из шкафа кепи. Осмотрел себя в зеркало. Никаких
знаков различия.

– А генерал сказал, что командир расскажет.

– Я сам толком ничего не знаю. Пошли...

Он обвел взглядом бойцов. Все как один были одеты в
пятнистую форму, в расцветке которой преобладал свет-
ло-коричневый оттенок.

Генерал сидел за столом в актовом зале НИИ, за спиной
его белел огромным белым пятном экран. Рядом с ним сидел
по правую руку Ждан, по левую – человек в форме полков-
ника грузинской армии. В зале находилось еще около пят-
надцати офицеров, самым младшим был лейтенант, самым
старшим – майор. И тоже – в форме вооруженных сил Гру-
зии, то есть в камуфляжах НАТО. У двоих или троих на ру-
кавах были белые повязки МР – «военная полиция».

Появление Стольниково и его группы без удивления встретил только Зубов. Но Ждан не смог удержаться – на скулах его появились розовые пятнышки, в глазах засветилось удовольствие. Остальные рассматривали появившихся в зале людей с недоумением. Вошедшие удивляли габаритами и невозмутимостью. Один только Жулин смотрелся среди них при своем росте в сто семьдесят восемь сантиметров странно. Неизвестные вошли и остановились в проходе.

– Стольников, рассаживайте своих людей там, где сочтете нужным, – велел Зубов.

Группа заняла места посреди зала. «Чего теперь на галерках отсиживаться? – подумал Саша. – Сегодня послужим, завтра видно будет».

– Итак, все в сборе, – объявил Зубов. – Ждан, включайте.

На экране появились очертания знакомого Стольникову строения.

– Это секретная тюрьма «Мираж», построенная на территории Грузии, – сообщил генерал. – В ней содержатся особо опасные преступники, задержанные на территории России. Это объект особой важности, аналогов ему нет и в ближайшее время не появится.

Стольников отметил про себя тот факт, что генерал Зубов сообщил ложные сведения. Тюрьма находится не на территории Грузии, а в Другой Чечне, и информация эта, стало быть, предназначалась только тем, кто сидел в зале в форме натовских офицеров. Но Зубов не предупреждал о конфи-

денциальности сведений перед совещанием, значит, он уверен, что Стольников и его люди умеют держать язык за зубами. То есть, строго говоря, в отношении с сидящими в зале вступать не будут. У них своя задача, и эта информация – для них.

– Это вам известно, – продолжал Зубов, – вы неоднократно доставляли в тюрьму грузы и задерживали лазутчиков, желающих познакомиться с «Миражом» поближе. Несли службу на блокпостах. Поэтому знаете о тюрьме немало. Но сегодня ночью, а именно, – он посмотрел на часы, – два часа и семь минут назад случилось нечто, что заставило меня вас здесь собрать. Заключенные подняли восстание и бежали из тюрьмы. Теперь они находятся на территории Грузии, и наша с вами задача собрать их снова в одном месте. В тюрьме «Мираж».

– Вы откуда? – наклонился к Стольникову усатый майор.

Стольников оглянулся. Бойцы молча смотрели на него и казались изваяниями. Офицеры в одеждах НАТО косили взгляды.

– Да отовсюду помаленьку, – ответил.

– Сводный отряд?

– Точно. – Чтобы закончить разговор, Саша наклонился на спинку впереди стоящего сиденья и сделал вид, что внимательно слушает Зубова.

– Инженеры?

Стольников еще раз обернулся, чтобы посмотреть на сво-

их «инженеров». Ну вылитые инженеры: приплюснутые надбровные дуги, у половины сломаны носы, деформированные ушные раковины, шрамы на губах от рассечений.

– Да. Младшие научные сотрудники. А как догадались?

Майор усмехнулся:

– Ну, военный человек штатского сразу видит.

– Правда? И чем же мы отличаемся от вас, военных?

– Взгляды у вас рассеянные, – продолжил дедуктивные изыскания майор. – Походка развязная.

– И форму носить не умеют, – перегнувшись, добавил кто-то, пахнувший одеколоном.

Стольников наклонился, чтобы рассмотреть его. Им оказался плотного телосложения, высокий, как и Саша, майор. «Еще один майор, – с огорчением подумал Стольников. – Словно издеваются. А я с девяносто пятого капитан. Уже семнадцать лет».

– Генерал совещание ведет, а вы почти до пупа расстегнуты, – добавил второй майор. – Срочную-то служили?

– Я – нет, – сознался Стольников. Он и правда не служил. После школы – сразу в военное училище.

– А я служил, – вмешался Мамаев.

– Аэродромы подметал? – прищурился майор. – Сидишь, чупа-чупс сосешь, а на трибуне генерал!

– Вы хотите поставить нас на место? – поинтересовался Стольников не без удивления.

– Можно и поставить, – согласился второй майор.

– Хватит там болтать!.. – рявкнул Зубов из президиума. – Полтысячи маньяков на свободе! Вы все знаете, майор Вакуленко? Тогда, может, доложите, где они сейчас находятся?

Майор поднялся и вытянулся.

– Да садись ты, – пробормотал Стольников вполголоса. – Что ты прыгаешь, как мячик? В следующий раз болтать будешь поменьше.

– Сядьте, – приказал генерал. – Мы полагаем, что не все заключенные вышли из тюрьмы. Потому что в кровь преступников введен препарат, активирующий процесс тромбоза. При приближении к ограждению, то есть запретной зоне, датчик на стене фиксирует приближение объекта и отправляет сигнал в центр управления. Центр управления мгновенно опрашивает датчику сигнал, и ксеролит, находящийся в крови нарушителя, активирует тромбоз легочной артерии. Арестанты это знают. Но после штурма тюрьмы заключенные отыскали, по всей видимости, антидот. После чего покинули территорию «Миража» и оказались на территории Грузии...

В зале раздался легкий ропот.

– Но антидота не могло хватить на всех, так как к сегодняшнему дню тюрьма приняла количество заключенных большее, чем хранилось доз антидота на случай эвакуации. Ваша задача, полковник Бегашвили, – войти в тюрьму и установить там внутренний порядок. Это понятно?

Сидящий рядом с Зубовым офицер кивнул.

– Для штатского ты чересчур наглый мудака, – процедил сидящий рядом со Стольниковым первый майор.

– Он, наверное, в офицерских руках ни разу не обсирался.

– Это точно, – согласился Стольников и снова повернулся к майору: – А вы-то, собственно, господа, чем на службе занимаетесь?

– Воюем с ублюдками.

– Это с кем именно?

– Ты посмотри, командир, – вмешался Айдаров, – у него на груди награда. Это что, за убийство ста тараканов?

– Нет, – рассмеялся Стольников, – это за грузинскую храбрость. Пацаны конкретно прихериваются под грузинский спецназ.

Майоры потемнели, но не сказали ни слова.

– И где же вы воюете? – поинтересовался Стольников, наклоняясь и уже с видимым интересом разглядывая обоих. – Войны-то вроде нет?

– Была, дружок, – улыбнулся первый майор. – И не одна.

– Где? – рассмеялся Саша.

– Тебя там не было. Ты над чертежами сидел. Или чем вы там, инженеры, в рабочее время занимаетесь?

– Ну, чем прикажут, тем и занимаемся. – Стольникову становилось все веселее.

– После совещания притормози, – велел Саше второй майор.

– Зачем?

– Я тебе объясню, как нужно с боевыми офицерами разговаривать.

Баскаков, доселе хранивший молчание, расхохотался.

– Да что там такое? – уже тихо произнес Зубов и снял очки. Это была плохая примета. Раньше, когда Зубов не носил очков с диоптриями, он таким жестом снимал темные очки. Сразу после этого следовала расправа, и Зубову плевать было, кто перед ним – ефрейтор-срочник или полковник. – Баскаков, я что-то смешное рассказываю?

– Никак нет, товарищ генерал-полковник! Тут товарищ майор смешное рассказывает!

– Какой товарищ майор?

– Вот этот. – И Баскаков показал на первого майора.

– Вакуленко!..

Майор вскочил и вытянулся.

– Прыг-прыг, – пробормотал Стольников. – Опять выебали...

– Я тебя порву, пацан... – выдавил, садясь, первый майор.

– А ничего, что со старшими так нельзя, а? – спросил Стольников. – Кажется, я лет на семь постарше буду?

– Надеешься, что я тебя пожалею из-за этого? Нет, старичок. Зубы вышибу, потом пожалею. Если захочешь. Или Зубову пожалуешься?

– Он в военную прокуратуру заявление напишет, – подсказал второй майор.

– По роже ему надавать, да и все, – заключил какой-то

капитан в глубине зала. – Оборзели эти москвичи...

– Итак, ваша задача – обеспечить в течение трех ближайших суток внутренний порядок в тюрьме, взять под охрану оставшихся заключенных, восстановить два блокпоста от тоннеля до ворот «Миража» и доложить о готовности. Полковник Бегашвили, в вашем распоряжении ваш батальон и рота материального обеспечения. Но прежде проведите разведку в поселке Южный Стан. Если обнаружите присутствие заключенных, в бой не вступать! Отойти и немедленно связаться со мной. Вам там делать нечего, работать начнет группа Стольников.

Полковник снова кивнул.

– А неплохие здесь силы сосредоточены, а, Сань? – прошептал прапорщик Жулин. – Это где же квартируется тот батальон, да еще и рота в придачу?..

– Городок при НИИ видел? Пара пятиэтажек – явно казармы. Дома огорожены высоким забором. Там и для оружейных комнат, и для занятий, и для столовой места хватит.

– Так, с тюрьмой разобрались... Теперь – Стольников.

Капитан поднялся.

– Саша, иди сюда.

Пробравшись через частокол не вмещающихся между сиденьями ног бойцов, Стольников сначала спустился вниз, после поднялся на сцену. «Интересно, сколько вранья с нее в зал слилось?» – подумал он.

– Внимание всем сидящим в зале. – Зубов откинулся на

спинку кресла. – Сегодня утром я получил приказ начальника Управления исполнения наказаний о назначении майора Стольникова командиром взвода специального назначения управления по Северо-Кавказскому управлению.

– С майором, командир! – прошептал Жулин и улыбнулся широкой эмалированной улыбкой. Своих зубов во рту у него почти не осталось. Бойцы довольно шевельнулись.

– Герой России, кавалер ордена Мужества, майор Стольников служил со мной в бригаде особого назначения здесь, в Грозном. Руководил сорока восемью боевыми операциями по уничтожению банд боевиков на Северном Кавказе с девяносто шестого по две тысячи первый год. Внимательно посмотрите на этого человека. Отныне любое его распоряжение на территории Грузии является для вас моим приказом.

Баскаков, продолжая беззвучно смеяться, наклонился и посмотрел на майоров в форме грузинских вооруженных сил.

– Что за херня? – недоуменно выдавил один из них.

– Все свободны, – приказал Зубов. – Полковник Бегашвили, начинайте готовиться к выходу. Стольников и его группа остается на месте.

Глухо застучали сиденья, закрипели подошвы новых ботинок. Под приглушенные разговоры офицеры разошлись к проходам и, поднявшись по ним, покинули зал.

Зубов велел Мамаеву последовать за ними и запереть двери в зал.

– Теперь то, что их не касается, – Зубов встал. – Ждан, засвети карту.

Полковник пощелкал кнопками на проекторе, и на экране появилась карта незнакомой Стольникову местности. Взяв со стола указку, Зубов подошел к карте. На его лице шрамом высветилась полевая дорога.

– Южный Стан. Поселок в нескольких километрах от тюрьмы. Никаких населенных пунктов в Другой Чечне больше нет. Грузинские села – это, разумеется, фикция. Но эта фикция привела к тому, что сейчас поселок с населением в четыре тысячи человек подвергся вторжению хорошо вооруженной банды отморозков, первая половина из которых психически больна, а вторая – в шаге от этого.

– Что это за поселок, есть ли стратегические объекты?

– Южный Стан появился, когда в две тысячи первом мы снесли крепость «других». Все население крепости, а это около тысячи человек, перевезли в место, которое было наиболее пригодно для проживания, – берег реки, в километре от поселка – озеро. Жители крепости, конечно, хорошо знали это место, но многие из них во время переезда бежали. Судьба их неизвестна. Вполне возможно, где-то вдалеке они образовали свое поселение.

– О каком количестве людей мы говорим?

– Если о бежавших, то их около двух сотен. Что касается жителей Южного Стана, то их, как я уже говорил, порядка четырех тысяч. Население растет, смертность здесь низ-

кая. Более сотни стариков перевалили за сто лет. Возможно, воздух Другой Чечни имеет какие-то свойства. Или вода. Или пища. Словом, мы пытались провести исследования, но жители Южного Стана воспротивились. Они вообще живут очень уединенно. Мы построили им поселок, больницу, завозим продукты и вещи, была попытка наладить снабжение на регулярной основе, но два года назад их лидеры отказались принимать помощь. Программа по изучению жителей крепости продолжается, но все сложнее работать с людьми, которые не хотят выйти из Другой Чечни...

– Кстати, как другие восприняли появление людей из иной цивилизации?

– Это мы для них – другие. Техника, оружие, манера одеваться и остальное вызывают у них самые негативные реакции. Они не хотят перемен. Кроме того, в поселке находятся те, кто был в крепости, когда ты впервые там появился. Но многое и переменялось. В умах их – в первую очередь. Последний раз я отправлял Ждана в Южный Стан месяц назад. Он делал кое-какие фотографии, снимал местность. Сравнив эти фото со снимками одиннадцатилетней давности, могу с уверенностью сказать о том, что в Другой Чечне время идет в странном режиме... Но не это сейчас главное. Просто я хочу, чтобы вы были осторожны с другими. Потрясения превращают их в неуправляемых дикарей, способных положить жизнь за свободу рода. У них очень крепки родовые связи.

– Дикарей? – переспросил Стольников. – Но вы же отстроили им жилье, завезли, я так понял, все необходимое?

– Они пользуются этим, но не жди благодарности, когда войдешь в Южный Стан. Если бы не орда заключенных, я бы держался от поселка подальше.

– Замечательно! – усмехнулся Жулин. – Мы войдем в поселок, и с одной стороны окажутся отморозенные ваххабиты, а с другой – сектанты!

Стольников смотрел на него до тех пор, пока все бойцы не засмеялись.

– Что смешного? – удивился Зубов.

– Это они чуть не проломил мне голову, они, эти дикари! И приятных воспоминаний от встречи с ними не имею! Кто знает, в кого они теперь превратились!

Ждан швырнул на стол несколько десятков фотографий.

На них были изображены жители поселка Южный Стан в тот момент, когда не подозревали о присутствии рядом камеры.

– Мне их взгляды не нравятся, – произнес Баскаков.

– Да, вы правы... – согласился Зубов. – Что-то накладывает отпечаток на этих людей. Или воздух, или не устоявшаяся за сто восемьдесят лет культура. Потомки солдат и офицеров роты Черданского полка здесь не эволюционировали, они...

– Деградировали? – помог Стольников.

– Возможно, майор.

– Забыл поблагодарить за звание, товарищ генерал. Де-

сять лет назад я бы напился от радости. Сейчас ничего не чувствую.

– Ничего, привыкнешь, – успокоил Зубов.

– Не думаю.

– Что ты имеешь в виду?

– Посмотрите на этих людей, – сменил тему Стольников. – Их лица... Застывшие глаза, отсутствие мимики... Кого нам больше бояться?

– Я так скажу, Александр. – Зубов присел на край стола. – За все время общения с жителями Южного Стана мы ни разу не подверглись нападению. Но напряжение от общения с ними зашкаливает. Не исключаю, что для взрыва нужно всего лишь запустить крохотный пусковой механизм... И на чьей стороне они окажутся, случись такой взрыв, я не знаю.

– Лучше не бывает, – ухмыльнулся Саша и, скосив взгляд, посмотрел на Ждана. – Полковник с нами идет?

– Нет, он остается здесь, – отрезал Зубов.

– Ладно, – согласился Стольников.

– С вами иду я.

А этого бывший бригадный разведчик не ждал.

Глава 1

– Нет, так дело не пойдет! – решительно возразил Стольников. – Товарищ генерал, еще десять лет назад я благодарил бы всех святых за такую честь, потому что это добавляло бы процентов пятьдесят к тому шансу, что останусь в живых! Но сейчас – простите...

– А тебя кто спрашивает, майор? – понизил голос Зубов. – Это мое дело. Мятеж в тюрьме и его последствия – это мой провал. Так что я иду с тобой. Есть еще одно обстоятельство, почему я не могу пустить тебя в Южный Стан одного.

– Какое?

– Узнаешь в свое время. А сейчас тебе нужно понять задачу, которая перед нами стоит. Цель – уничтожение всех сбежавших из тюрьмы боевиков. Полная ликвидация! Освобождение поселка Южный Стан. Бандиты вооружены до зубов, оружия и боеприпасов у них – мешками счет ведется! Нет гранатометов, огнеметов и тому подобного, но стрелкового вооружения много. И ты сам пойми – около пятисот человек.

– Голов, – поправил Стольников.

– Пусть так. Но это около двух мотострелковых батальонов. Думаю, командование и штаб там уже организованы. У боевиков такого уровня иерархия выстраивается почти мгновенно. Нас будет – твоих шестеро да я. Итого – восемь

человек. Много оружия мы не унесем, поэтому от входа в тоннель двинем на двух «Ленд Роверах».

Стольников опустил глаза, чтобы никто не заметил в них улыбки. Все недоумевают, куда уходят деньги, которые Москва в таких объемах сливает в Чечню в качестве дотаций...

– Можно вопрос?

– Говори.

– В поселке есть техника?

– Что ты имеешь в виду? – вскинул взгляд генерал, и Стольникову показалось, что он встревожил Зубова этим вопросом.

– Я имею в виду машины. Автомобили.

– В поселке два «ЗИЛа» и два «уазика». Все машины стоят на консервации, но расконсервировать их нет никаких проблем, тем более знающим людям. Топлива тоже предостаточно. Так что, майор, в смысле мобильности эти два батальона малоуязвимы...

– Вы бы туда еще танки завезли и пару межконтинентальных ракет.

– Твое дело приказы выполнять, майор. Ты на службе. Забыл?

– Нет, не забыл. – Саша посмотрел в глаза Зубову: – Почему вас переполошил вопрос о технике?

– Нам некогда об этом судачить. Пора собираться! В дороге все узнаешь.

– Как в случае со Жданом в прошлый раз? Когда я узнал о том, что на нем маячок и что вы играете с Хараевым в тот момент, когда был в шаге от смерти?

– Я иду с тобой. Тебе этого мало?

– Мало! Потому что вы снова не говорите мне всей правды!

– А сколько раз ты водил своих людей на смерть, не говоря им всей правды?

– Каждый раз! – не задумываясь, ответил Стольников. – Но сегодня не тот случай! Сегодня я подтираю зад Кремлю, и мне, признаться, не очень хочется это делать!

– А, тебе выгоднее, чтобы тебя заперли в психушке и исследовали твой мозг?! Тогда – иди! Иди, я велю отпустить тебя! И сколько ты проведешь времени на воле? Через пять минут меня снимут с работы за использование непроверенных данных и провал боевой операции, а тебя возьмут в аэропорту Владикавказа или Моздока! Мне – пенсия, тебе – распятие. Иди!..

– Вы мне угрожаете?

– Нет! – вспылил Зубов окончательно. – Я не угрожаю тебе. Просто я ясновидящий, мать твою... А не говорю всей правды потому, что как только ты ее узнаешь, решишь, что я спятил...

– Так лучше я об этом подумаю здесь, сейчас, чем там, под пулями.

Жулин поднялся из кресла и, подойдя, сел в первый ряд.

Следом за ним подтянулись и остальные.

– Командир? – тихо позвал прапорщик. Понимая, что тот его не слышит, крикнул: – Командир!

Стольников обернулся.

– Генерал дал слово. Мы уйдем, как только сделаем дело. Если ты из-за нас, то нас все устраивает. Я хочу пожить в тишине, рядом с водой, чтобы ни одна рожа не маячила передо мной. Я живу в Зеленограде, но туда больше не вернусь. Заведу в Болгарии огород, открою прибрежное кафе и буду солить капусту. Но чтобы это произошло, я готов поработать. Так же и остальные.

Стольников понимал, что бред, который несет Жулин, прозвучал лишь для того, чтобы он, Саша, не наломал дров. У генерала есть тайны? Пусть он их хранит. Тем более что вряд ли Зубов откроется, пока не сочтет обстоятельства подходящими. Старик не хочет что-то говорить, да и ладно. Он имеет на это право. А выбор был сделан еще вчера, когда их, умирающих от усталости, привез из Той Чечни поезд. Какая капуста? Жулин и огород – есть что-то более несовместимое?

«Пусть будет так», – подумал Стольников и посмотрел на генерала:

– Что берем с собой?

– Выберешь сам.

Арсенал в НИИ заставлял задуматься. Здесь были образ-

цы всех видов российского стрелкового вооружения, включая хиты последних лет. Едва двери комнаты для хранения оружия распахнулись и разведчики вошли, Стольников почувствовал, как в груди забилося сердце.

– «Винторез»! – бросился к шкафу Айдаров. Он, штатный снайпер, ничего другого не видел и не хотел видеть. На СВД он даже не обратил внимания.

Вынув винтовку и клацнув затвором, повертел ее в руках:

– Люблю эту штучку. Ты долго меня ждала? До-олго... Дай я тебя поцелую...

– Ты ее еще трахни, – буркнул Ключников, открывая шкаф с автоматами.

– Заткнись, ты ничего не понимаешь, пошлый автоматчик!

– Я вижу, твои люди уже возвратились в две тысячи первый год, – заметил, усмехнувшись, Зубов. – А ты?

– Я еще нет.

Вынув из шкафа «Вал», он подумал и поставил обратно. Осмотревшись, нашел шкаф с «калашниковыми» и перешел туда. Вынул АКС, подержал, поставил обратно. Взял АКМС. Там же, в шкафу, выбрал восемь пустых магазинов. Из шкафа со снаряжением вытряхнул на пол несколько разгрузочных жилетов, один надел на себя. Рассовал магазины по карманам, вытянул ящик патронов калибра 7,62 и ногой толкнул его к лавочке у стены.

Он смотрел, как жадно выбирают себе оружие бойцы, и

едва заметно улыбался. Пусть. Сейчас наиграются и возьмут то, что нужно. Айдаров сделал правильный выбор. Девяти-миллиметровый бесшумный «Винторез» с ночным и дневным оптическими прицелами – это то, что нужно снайперу сейчас. Прицельная дальность у «Винтореза» в два с лишним раза меньше, чем у СВД, но вряд ли бой в поселке требует большего. Тем более что магазины «Винтореза» могут вмещать по двадцать патронов, то есть в два раза больше, чем у снайперской винтовки Драгунова.

Жулин и Маслов выбрали «Вал». «Согласен, – решил Саша. – Пара бесшумных автоматов не помешает». Баскаков и Ключников, как и Стольников, остались верны детищу Калашникова. Но им по душе больше пришлось все-таки АК-Сы.

Каждый пристегнул к бедру кобуру и сунул в нее «Гюрзу». Стольникову всего несколько раз пришлось пользоваться этим пистолетом, и он сделал вывод, что для него лучшего оружия для самого ближнего боя пока не придумали. Пуля из «Гюрзы» прошивала на дистанции в пятьдесят метров лист титана толщиной в три миллиметра, и убойная сила была такова, что срывала с фиксатора люк бронетранспортера.

Ножи выбирали долго. Проверяли, насколько легко лезвие выходит из ножен, из какой стали оно сделано, попробовали на изгиб. В конце концов, каждый выбрал то, что посчитал нужным. Ключников прихватил и широкий пояс с ножами для метания.

– Значит, нас семеро, – не обращаясь ни к кому конкретно, проговорил Жулин, когда все вышли из комнаты для хранения оружия.

– Восемь, – поправил Саша. – С генералом – восемь. Ты хочешь спросить, почему я не усиливаю группу?

– Да не помешало бы еще одно отделение, – вздохнул прапорщик. – А так получается, что один к семидесяти.

– Страшно? – спросил Мамаев. И вдруг занес руки над головой и двинулся на Жулина: – У-у-у!..

– Не страшно, – отмахнулся от него прапорщик. – Просто если идти туда с целью быть убитым – это одно. Если с целью выполнить задание – это другое.

– Забыл, как в Панкисском ущелье сутки просидел? – напомнил Баскаков. – Я-то помню... А их там было и сто к одному, кабы не поболее...

– Но все-таки, почему я не усиливаю группу, да? – снова спросил Зубов.

– Да! – качнул головой Жулин.

Стольников знал ответ. Но пусть лучше Зубов объяснит.

– Потому что, – заговорил генерал, – правду о поселке Южный Стан знаем только мы с вами и еще несколько человек. Грузы, предназначенные для жителей крепости, наши люди свозили к дороге, и уже сами жители забирали их на машинах. Все знают, что мы гуманитарную помощь отправляем русским беженцам из Грузии – продукты, стройматериалы, вещи, топливо, механизмы... Но все думают, что речь

идет о поселке Южный Стан, образованном в начале двухтысячных как пристанище для тех, кто бежал от режима Саакашвили. О том, кто на самом деле получает этот груз, никто и не догадывается. Это тайна, равновеликая тайне существования «Миража». И теперь представьте, что я укомплектовываю ваш взвод личным составом по максимуму. Это значит, что еще двадцать человек станут свидетелями того, о чем знать им не нужно. – Зубов посмотрел на Жулина, на остальных. – Их потом что, простите, убирать, что ли?..

– Гуманно, – заговорил, наконец, Стольников. – Поэтому пошлем туда шесть смертников.

– Ты забываешь, что с этими смертниками иду и я! – тихо проговорил генерал Зубов.

– А если эти бойцы разговоятся с местными? – поинтересовался Айдаров, рассовывая магазины по карманам. – Вот и накрылась ваша тайна...

– Можешь не беспокоиться на этот счет. Поговорить с местными им не удастся. Ведь я только что рассказывал об их упрямом нежелании общаться?

Стольников забеспокоился:

– Черт... Товарищ генерал, я кое-что оставил в комнате...

– Двадцать минут хватит?

– Навалом!

Скинув «разгрузку» и сунув ее вместе с автоматом в руки Айдарова, Стольников взметнулся по лестнице, пересек первый этаж НИИ и выбежал на улицу. Минуту бежать туда,

минуту обратно, минута – на непредвиденные расходы...

Она открыла дверь за мгновение до того, как он нажал звонок.

– Все-таки он тебя уговорил... – Схватив майора за рукав, Ирина втянула его в прихожую.

– Твой отец умеет уговаривать.

– То, что вы собираетесь делать, это опасно?

– Ну что ты. Было бы опасно, он бы с нами не пошел.

Ирина подняла руки, обняла Сашу за шею и прижалась к его груди:

– Я прошу тебя – не задерживайся там.

– Да там ненадолго, Ирочка... Два дня, не больше. Людей расставить, проследить, чтобы цемент вовремя доставили...

– Возвращайся поскорее, – попросила она. – Это правда, что вас отправляют на войну?

– Кто тебе сказал?

– Тут майор есть... Липковатый на вид. На ощупь – не знаю.

– Усатый, под грузина косит?

Она улыбнулась:

– Точно!

– Врун. Меня отправляют ремонтировать «Мираж», а его – строить блокпост. Видимо, он имеет на тебя виды, если врет так нагло. – И он тоже улыбнулся. – Чешуей блестит.

– Только не бей его.

– Ладно.

– Потому что это не он, а Ждан на меня виды имеет.

– Насколько серьезные?

– Ну, раз шесть к папе уже заходил. И это были как раз те шесть раз, что я заходила к папе.

– Он в тебя влюблен?

– Мне все равно.

Пять минут из двадцати прошло.

– Мне пора.

– Я буду ждать тебя.

– Лучше не жди, – вдруг выдавил Саша. – Лучше не жди, поняла? Лучше... уезжай, хорошо? Так нам обоим не будет о чем сожалеть.

– Ты что говоришь?..

– Мне пора. – Он мягко отстранил от себя девушку и открыл дверь. – Уезжай. Это просто увлечение, ничего больше. Мы много пережили вместе – это причина. Пройдет время, и все остынет. Мне пора... Прощай, девочка...

Он хотел еще сказать, что шестнадцать лет разницы – это много. Что уже готовился поступать в военное училище, когда она родилась. Что через пятнадцать лет ей будет всего сорок два, а он, если останется в живых, уже не сможет передвигаться без палочки. Он хотел сказать, что его все равно прикончат – не чужие, так свои. Но на это ушла бы вечность, не пять минут...

А еще он хотел сказать, что скучает без нее. И что сейчас ему станет совсем невмоготу. Но иначе поступить не мог –

однако говорить почему было бы глупо. Все равно Ирина не поймет. Ей не понять, отчего Стольников, если ему повезет и он чудом выберется из этой мешанины, снова станет изгоем. Его не простят, он знал. За керий не простят, за то, что так долго был неуловим. Стольников знал – звезда Героя, погоны майора, должность и офицерское будущее – это дымовая завеса, в мути которой к нему хотят подобраться поближе. Если он возвратится живым или полуживым, его уже будут ждать. Не здесь, в Чечне, нет. Дождутся, когда он поедет зализывать раны в санаторий, в который сами же организуют путевку, или отправится домой. И там накроют. Только теперь все сделают по высшему разряду, не как в турецком Сиде.

Он шагал к зданию НИИ с чувством, что только что сделал что-то гадкое, отвратительное. Ощущение, что он своими руками только что придушил ребенка или ударил женщину, преследовало его до той поры, пока он не вошел на первый этаж и не пересек холл, оказавшись рядом с лестницей.

– Ничего личного, дружок... – слышалось совсем рядом.

Отпрянув, он увидел того самого майора. Рядом стоял второй. За их спинами – капитан. Они располагались относительно входа к лестничным пролетам таким образом, что войти, не протаранив их, было невозможно.

– Вы меня бить будете, что ли?

– Нет, но ты не суешься, – успокоил капитан из-за спин

майоров. – Тебе же сказали – ничего личного. Это просто работа.

– Работа? Какая работа? Ты спятил?

– Все должно закончиться здесь, – проговорил майор, выводя руки из-за спины и опуская.

«Они тут все спятили», – решил Стольников, вслух же произнес:

– Я немного опаздываю.

– Это не займет много времени.

– Я знаю. Но если вы не будете меня бить, вы мне неинтересны.

И он сделал шаг вперед.

И тут же был вынужден увернуться от удара...

В руке усатого майора сверкнул нож.

Стольников сначала опешил, а потом широко улыбнулся.

Память мгновенно вернула его в двухтысячный. Тогда приехал в бригаду какой-то милицейский полковник и попросил «немного крепких ребят», чтобы зачистить квартиру в Октябрьском районе. Такое бывает: не успел сводный милицейский отряд приехать откуда-нибудь из Питера, как тут же получает информацию. Вот и сейчас приехали ребята из Омска, и им тут же: по такому-то адресу находится крупная партия героина, готовится к отправке в Москву. И идут счастливые от оперативной находки менты к командиру оперативной бригады, потому что никто кроме его людей город

Грозный не знает.

– Да хрень какая-нибудь, а не информация, – усмехнулся тогда Стольников, посматривая то на Зубова, то на полковника в новенькой форме. – «Чехи» издеваются, в первый раз, что ли?

– Хрень проверить нужно, – заметил генерал, и было видно, что он и сам раздосадован незванным визитом. Можно, конечно, отказать. Сослаться на нехватку людей, тем более что так оно и было, но Зубов знал – тут же полетит в штаб жалостливый рапорт о том, что генерал-майор Зубов отказывается взаимодействовать. А Зубов ждал генерал-лейтенанта, и ему не хотелось, чтобы какой-то залетный полкан испортил биографию. – Езжай, Саша, лучше тебя Октябрьский никто не знает.

– А вам кто информацию подогнал?

– На базаре.

Стольников рассмеялся. Ну, конечно. Первым делом менты отправились на базар. Водки купить и отметить прибытие. Там, скорее всего, и накатили. И тут появился добросовестный гражданин, житель Грозного. И поведал страшную тайну.

И вот захватил Стольников пяток бойцов, и поехали они вместе с ментами на улицу Академика Келдыша крупную партию героина изымать.

Пока менты с его бойцами шерстили указанную квартиру, Саша принюхался на площадке. Запах повел его как собаку

к квартире напротив.

Как известно, в квартиру наркомана можно пройти двумя способами. Первый – постучать условным знаком. Он меняется с такой же периодичностью, с какой меняются пароли в ГУВД, то есть ежедневно. Условного знака на тот день, как и на вчерашний и все остальные дни, Стольников, естественно, не знал, поэтому избрал второй способ.

Отойдя к стене, напротив двери, он оттолкнулся от бетона спиной и изо всех сил врезал ногой в район замка. Дверь резко... Нет, не отворилась. Она отлетела в сторону, едва не прибив на смерть молодого человека лет двадцати пяти, по приметам – русского. На тот момент он изучал в дверной глазок причину возникновения шорохов на площадке.

Стараясь не вдыхать едкий запах ангидрида, насквозь пропитавшего всю квартиру, разведчик прошел внутрь и склонился над так и не получившим никакой информации жильцом:

– Не больно?

Молодой человек, у которого дури в голове было предостаточно и без ломового удара дверью, задал глупый вопрос:

– Ты кто?

– Клайд без Бонни. Кто еще в квартире?

Наркоман смотрел на Стольникова, но никак не мог признать в его лице человека, выстрелить которому ничего не стоит. По тому, как блаженно закатились его глаза и стукнул о пол затылок, капитан понял, что у парня пошел «при-

ход». Спрашивать его сейчас, зачем он и его приятели решили пошутить над соседями напротив, было равносильно битью лбом о подножие Александрийского столпа с целью сбить оттуда архангела.

Стольников шагнул в комнату и в этот момент краем глаза заметил, как с балкона соскользнула чья-то рука. Несколько секунд второму хватило, чтобы принять правильное решение – нужно бежать.

Саша выбежал на балкон и глянул вниз. В сугробе была вмятина, и от нее тянулась цепочка следов в сторону стоящих за домом металлических гаражей. Недолго думая, Стольников прыгнул. Ну, надо же что-то делать, коль уж приехали. Тем более Зубов приказал, а приказы надо выполнять. В той квартире менты ничего не найдут, разумеется, нужно же им хоть кого-то задержать?

Он настиг беглеца через несколько мгновений. Бегал наркоман не так быстро, как соображал.

А вот и небольшой тупичок между узким проходом вдоль ограды и огромным гаражом. Стольников окликнул жертву весьма доброжелательно, но его ответная реакция была для него неожиданна. Разумно было остановиться и поднять руки. Но человек развернулся, как змея, которой наступили на хвост, и дико проверещал:

– Стой, сука, где стоишь, иначе порежу на хер!.. Мне терять нечего.

– Что же ты так, по хамски-то?.. И как это нечего, прости-

те?

Это к вопросу о первом пункте дилеммы. Наихудший вариант. Стольников знал, что у наркоманов с головой не все в порядке, а теперь, как выясняется, им еще и терять нечего. А здоровье? Беглец стоял в двух шагах от капитана с заточкой в руке, на острие которой играл огонек.

– Пацан, брось дурить, – попросил разведчик, сжимая кончиками пальцев замерзшие мочки ушей. – Ты с «пером» в руке – это уже минимум два года. А с пером напротив меня – это уже пуля в живот. Отдай мне игрушку и аккуратно опустишь на снег.

– Я пять лет назад уже опустился раз на снег перед вами! Уйди, гад, по-хорошему прошу!.. – Заточка стала выписывать перед грудью Стольникова замысловатые кельтские узоры.

Достать пистолет Саша уже не успевал. Если только отбежать метров на десять... Но он лучше бы дал себя проколоть, чем сделал шаг назад. Поняв, что военный не отступит, наркоман решился на «мокрое дело». Видно, ему на самом деле было нечего терять. Кто знает, что там в милицейских сводках про него написано?

Сделав ложный выпад вправо, беглец перебросил заточку в левую руку. Парень был плохо знаком с техникой ближнего боя. А его правило номер один гласит – всегда смотри в глаза противнику. Наркоман же смотрел в подмышку капитана, на то место, что не было защищено бронежилетом. Поэтому

когда лезвие стремительно полетело Саше в бок, для него это неожиданностью не было. Он сделал шаг вперед и на противоходе ударил беглеца замерзшим кулаком в челюсть. Теряя равновесие и сознание, наркоман сделал несколько нелепых шагов назад и рухнул на спину, ударившись головой о металлический гараж. Ударился, очевидно, сильно, так как сквозь его помутненное сознание продавилась гримаса боли.

Подойдя к несостоявшемуся убийце, капитан выдернул из его руки заточку. Он продолжал сжимать ее, как убитый при атаке прапорщик сжимает прапор полка. Заточка хорошая. Зоновской работы. Никелированное четырехгранное лезвие, наборная ручка, упор для пальцев. Куртку бандит из квартиры захватить не успел, а вот штырь не забыл.

– Вставай, маленький мерзавец, – приказал капитан. – Теперь в изоляторе можешь смело всем рассказывать, что пытался заколоть Стольников. Я подтверждаю. После такого подвига тебе непременно разрешат спать не у параша, а на шконаре.

Вот и сейчас, увидев перед собой нож, Стольников понимал, что ребята решили просто припугнуть его, посмотреть, из чего борзой майор сделан. Если из пластилина и забьется в угол, можно ему смело вмазать по разу в челюсть и уйти.

– Это после того как Зубов сообщил вам, что я ваш командир? – тихо спросил Стольников.

Он ударил по руке майора, тот развернулся. И в то же

мгновение Стольников пробил ему голенью в правый бок. Майор отшатнулся, ударился спиной о стену и выпрямился. Но Саша знал, что это только на секунду.

Капитана он встретил прямым в лицо и, когда тот качнулся назад, ногой добавил ему в грудь. Страшная сила понесла капитана спиной вперед, и он вылетел на лестничную клетку вместе с сорвавшейся с петель дверью.

Выронив нож и держась за отбитую печень, побледневший усатый майор стал опускаться на колено.

– Задавлю, пилотка!.. – Стольников занес руку над вторым майором.

Тот попятился назад, прижался спиной к стене и стал, прикрываясь рукой, сползать по ней все ниже и ниже. В конце концов, сел.

Протянув руку, Саша схватил его за грудки и посмотрел на сверкнувшую на груди медаль. Она была с невнятным изображением на аверсе и зеленой лентой. Больше похожа на значок, свидетельствующий о получении какой-то премии.

– Грузинская медаль «За воинскую отвагу»? Бутафорим по-черному, старик? – хмыкнул разведчик и поднялся. – Прости, надорвал ленточку чуток... Не обижайся. Скажешь, осколком зацепило.

Он направился к двери и уже на выходе повернулся:

– Попробуйте мне только в Другой... попробуйте мне только в Грузии бегом не побежать, когда я вас позову, суки... Удавлю, щенки!..

Откинув нож ногой в сторону, он сбежал по лестнице и вошел в комнату для хранения оружия, когда Зубов уже поглядывал на часы.

– А ты что забыл-то? – хмурясь, поинтересовался генерал.

– Да вот часы и забыл, – и Саша показал Зубову запястье. – Где «Роверы»?

Глава 2

Два джипа цвета хаки съехали с платформ состава, бойцы быстро заняли свои места. Последним в машину садился Стольников. Уступив место генералу и видя, что тот запрыгивает в машину с той же легкостью, с какой одиннадцать лет прыгал на подножку бронетранспортера, хмыкнул: «Годы не берут его, что ли?»

Всю дорогу от подземного «вокзала» НИИ до платформы, которая располагалась у самого выхода в Другую Чечню, он рассматривал лицо Зубова. То и дело оно пропадало во мраке, но через мгновение снова освещалось фонарями, тянувшимися вдоль стен тоннеля.

В который уже раз Саша вспомнил, как он оказался в этом тоннеле впервые. Тогда, после стычки с бандой Алхроева, он отходил с группой южнее Ведено и в конце концов спустился в овраг, рискуя там и остаться. Небольшой, поросший кустарником вход мог быть чем угодно – небольшой пещерой, размытой дождями ямой. Стольников рискнул войти в него и выиграл. Это был вход в лабиринт, приведший его группу через много часов в Другую Чечню. Как много изменилось с тех пор... Одиннадцать лет изменили это место до неузнаваемости. Теперь на месте пещеры находится научно-исследовательский институт, городок для сотрудников, казармы, своя школа, магазины и даже кинотеатр. И все только для

того, чтобы скрыть эту маленькую лазейку в несуществующий, казалось, мир. Обеспечить деятельность власти в Другой Чечне. И вот теперь он уже не сам бредет, слизывая влагу со стен лабиринта, а везет его скоростной поезд. А где-то там, по телевизору: «Прорвало трубу на улице Печатников... Администрация района обещала устранить аварию...»... Какая беспросветная слепота...

Группа заняла весь состав. Подразделения в форме грузинской армии должны были выехать следом. Стольников сидел, молчал, хотя темы для разговора с Зубовым были, и смотрел то на генерала, то в пол.

И только когда джипы съехали с платформ и подняли столбы пыли на выезде из подземного бункера, игравшего роль «воздушной подушки» между платформой и Другой Чечней, Саша вышел и заговорил первым:

– Старые времена вернулись, товарищ генерал-полковник?

– Ничего не изменилось, – подтвердил он. – По-прежнему я вижу вас, и вы с оружием. И как раньше, сейчас отправимся искать приключения на задницу.

Забравшись в один джип, уселись сзади. В машине находился только Мамаев за рулем и Ермолович на переднем сиденье.

– Я хотел спросить, товарищ генерал. Кто «крота» будет в НИИ искать?

– Ждан.

Это был первый и единственный момент, когда им удалось остаться вдвоем. Лучшего случая поговорить не было.

Банде Хараева удалось поднять мятеж в тюрьме и выйти из-под контроля благодаря человеку, работающему в институте. Этот человек входил в очерченный специальным разрешением правительства круг лиц, допущенных к тайне существования «Миража». Раз так, то он знал и о Другой Чечне. Хараев и его люди уничтожены, но «крот» остался. Сменил каналы получения и сброса информации, лег на дно. Разоблачить его теперь могла только операция по уничтожению вырвавшихся на свободу бандитов.

– Я начинаю подозревать, что боевики не случайно нашли антидот, – проговорил Саша.

– Стольников, я всегда уважал тебя за умение мыслить.

– Значит, вы скинули информацию в НИИ, и кто-то из допущенных к работе с «Миражом» ее подобрал?

– Точно.

– И вы знаете кто?

– Нет. Поэтому Ждан и остался.

– А вы пошли со мной, потому что не доверяете?

Зубов улыбнулся:

– Нет. Потому что мне нужно пойти. Ты не мясо. А если мясо, то и я – с тобой.

Разведчик ничего не ответил.

– У вас со Жданом есть связь?

– Да. Коротковолновый передатчик. Хотя и не без вме-

шательства нанотехнологий. – Генерал вынул из нагрудного кармана крошечный, чуть больше спичечного коробка, прибор. – Сюда говори, сюда же и слушай. Ты видишь, куда я его кладу? – Он сунул его обратно в карман. – Если понадобится, возьмишь.

Стольников понял, о чем речь. А кто бы не понял?

– Ждан что, подбивает клинья к Ирине?

Зубов поднял на разведчика удивленный взгляд:

– Вот куда ты ходил... Да, парень – видный жених. Молодой полковник, отец – видный генерал. Светлое будущее, финансовая независимость. Дисциплинирован, уравновешен. Любит девочку.

– А она его?

– А тебе какое дело?

– Однажды вы с папой Ждана спасли его будущее, сломав человека и засадив в него чувство вины по горло. – Стольников качнулся и толкнул генерала плечом. – Теперь вы с папой хотите организовать его личную жизнь. Однажды бывший классный парень лейтенант Ждан превратится в жалкую скотину, и очень скоро вы с сожалением вспомните обо всех медвежьих услугах, что ему оказали. Вы – быстрее, потому что отец Ирины.

– Послушай, это не лучший способ понравиться отцу девушки, в которую влюблен, – угрюмо заметил Зубов. – Чернить за глаза человека, который открыт и прозрачен.

– Кто сказал, что я влюблен в Ирину?

– Дурак не заметит!

– Я никогда не окажусь рядом с ней. И не потому, что вы не захотите. Просто я не смогу гарантировать ей счастья. Что я имею? Три с половиной миллиона долларов на счетах, открытых на чужое имя. Будущее покойника или калеки. Мой путь начертан колесами этого джипа. И даже если мы с вами выйдем отсюда, я не подойду к Ирине. У меня, по крайней мере, есть совесть. У меня нет будущего, но совесть – есть.

– Саня... – Зубов наклонился почти к его лицу: – Знаешь, почему я пошел с вами?

– Жду, пока расскажете.

– Люди, которых ты знал в Другой Чечне, сильно изменились. Произошла какая-то трансформация сознания и физиологии... В «Мираже» стояли мощные вентиляционные установки с фильтрацией воздуха, но, я думаю, причина не в этом.

– А в чем?

Стольников некоторое время ехал молча и только потом развернулся к генералу всем телом:

– Прошу прощения, но я вопрос задал.

– Сейчас ты не узнаешь тех людей, что видел в крепости. Даже если и заметишь знакомое лицо.

– Что это значит?

– С ними что-то произошло. По улицам поселка изредка проезжают мои люди, проверяют порядок, и жители в эти дни ходят как тени, не вступая в общение. Несколько раз мои

люди исчезали.

– Их убивали?

– Не знаю. Попытки что-то выяснить у жителей не имеют успеха. Жители отказываются с нами общаться. И выглядят странно...

– Сколько раз случались такие пропажи? Вы сказали – «несколько»? А точнее?

Зубов внимательно посмотрел на майора:

– Какой период времени тебя интересует?

– С момента появления Южного Стана.

– За десять лет?.. Скажем так – полторы тысячи раз.

Саша не выдержал и присвистнул:

– И как вы объясняете их исчезновения в Известной Чечне?

– Пропал без вести при исполнении служебного долга. Медаль Суворова, пенсия семье. Это же Чечня.

– Полторы тысячи... – повторил Стольников и поднял брови. – И ни трупа, ни следа?

– Ничего!

– А вам не приходило в голову перевернуть этот Южный Стан вверх дном?

– Саша... Моя бы воля, я бы объехал сейчас этот поселок, чтобы только не ступить ни на одну из его улиц.

– Но вы отдали приказ полковнику Бегашвили провести разведку.

– Местные знают Бегашвили, он не вызовет у них трево-

ги. Кроме того, в поселке есть больница, в которой работают главврач и медсестра. Они до сих пор живы, значит, местным это нужно.

Зубов занервничал. Он знал что-то, чего не мог объяснить, не рискуя выглядеть сумасшедшим.

– После того как ты и твои люди исчезли из Чечни, я был здесь около сотни раз. За последние два года – раз двадцать. И каждый раз мне хотелось поскорее убраться отсюда... Как из больного сна, понимаешь?..

– Нет.

Вдалеке появились первые признаки сильно пересеченной местности с редко стоящими на пригорках дикорастущими абрикосами.

– Меня пугают не «чехи», Саня. Меня пугают жители, отгородившиеся от нашей помощи молчанием.

– Вы же говорили, что они принимают гуманитарную помощь?

– Принимают, но забирают ее как собаки, ночью, тайно, чтобы никто не видел. Однажды мои люди двое суток просидели рядом со снесенным на землю грузом. Они не вышли. Ни один. Два «КамАЗа» муки, консервов, топлива, компрессоров, одеял и всего, что просто необходимо. Дело к зиме шло...

Стольников хмыкнул снова:

– Может, они просто боятся вас?

– Тогда почему я их боюсь? За последние месяцы я не ви-

дел ни одного. Они или передвигаются по Этой Чечне ночами, или закупорились в Стане, как в банке!

– Думаю, эту банку уже откупорили.

Зубов посмотрел на часы:

– Через двадцать минут мы увидим Южный Стан. Полагаю, что батальон Бегашвили уже ведет с беглыми боевиками бой. И у меня фантазии не хватает представить, что там сейчас происходит.

«Роверы», пыля, как на ралли, то расходились, то сходились. Они были похожи на два катера, мчащихся по волнам. Вскоре, однако, скорость пришлось сбросить, а когда до поселка оставалось чуть более километра, машины и вовсе еле двигались. Приходилось объезжать овраги, крутые холмы и спускаться на дно пологих ложбин.

Как только на горизонте появилась окраина Южного Стана, Зубов велел остановиться. Взобравшись на крышу одной из машин вместе с майором, он поднял бинокль. Вгляделся в пейзаж и Саша.

Цейсовская оптика мгновенно сократила расстояние. Стольников видел дома – они сильно отличались друг от друга архитектурой и высотой – от двухэтажных в два подъезда до низких строений, похожих на дачные домики.

На улицах не было видно ни души. Словно это был мертвый поселок, выстроенный специально для ядерных испытаний. Но и манекенов тоже не было. Как не было заметно и техники. Зубов говорил, что автомашины законсервирова-

ны, но хотя бы одна-то должна была выполнять какую-то работу? Ведь в поселке каждый день нужно что-то подтащить, переместить или просто доехать.

– Мертвая зона. Что-то не вижу я ожесточенного боевого столкновения, генерал.

– Не может быть. Хотя Бегашвили мог выдавить их из Стана.

– За два часа? Не смешите меня.

– Неужели «чехи» обошли Южный Стан, не признав в нем грузинское село, и двинули дальше? – Сказав это, Зубов посмотрел на Стольников, словно тот знал ответ на этот вопрос.

Саша сомневался в том, что заключенные могли проехать мимо. Грузенные маньяками и живодерами «ЗИЛы», да чтобы проехали мимо женщин и возможности поживиться или просто кого-то прирезать?.. Маловероятным ему это казалось.

Они сели на кабину, Стольников похлопал по крыше. «Ровер» тронулся с места, за ним последовал и второй.

Бойцам не нужно было отдавать команды. Глядя на командира, они выполняли все, чему он их когда-то обучил. Лучшим способом получить приказ при молчании Стольникова было посмотреть на него. И тогда все просто повторяли его действия. В разведке говорить приходится мало. Лучше вообще не говорить. Единственное исключение – когда командир в темноте и приказы отдаются голосом. Но сейчас,

хорошо видя Стольникова, бойцы приводили оружие в боевую готовность и поправляли на себе снаряжение.

– Стой! – приглушенно прикрикнул Саша, когда машины приблизились к поселку не более чем на триста метров.

Он снова поднялся на ноги и посмотрел в бинокль. Ничего не изменилось с того раза, как он разглядывал Южный Стан в последний раз. Одну из улиц пересекла, поджав хвост, пегая собака. По другой улице ветер вяло гнал перекасти-поле.

И в этот момент Саша почувствовал, как разгрузочный жилет рвануло в сторону. Через мгновение он сообразил, что его смело с крыши. Еще не коснувшись земли, он прогремел:

– К бою!..

Бойцы в мгновение ока освободили оба джипа от своего присутствия, кувырками и перекатами разобрали на земле позиции.

Стольников перевернулся на бок и оттянул в сторону «разгрузку», чтобы оценить ущерб. Сомнений, что его сбила с машины пуля, не было. При этом эта пуля не была выпущена из автомата Калашникова. Такая убойная сила бывает только у снайперских винтовок. Но звук был металлический, и майору хотелось проверить, каких бед эта пуля натворила.

Поврежденным оказался один из магазинов. Пуля разбила его стальной корпус, вырвала несколько патронов и выбросила наружу пружину. Магазин спас хозяина если не от смерти, то от тяжелого ранения.

Ссыпав оставшиеся патроны в карман куртки, Стольни-

ков зашвырнул испорченный магазин за спину.

– Девять миллиметров! Товарищ генерал, каким образом в «Мираже» могла оказаться снайперская винтовка «Винторез»?

«Винторез» – это не просто винтовка снайпера. Это оружие спецназа. Особенность ее заключается еще и в том, что выстрелы из нее бесшумны.

Выстрелов больше не было. Но уже было ясно – группа в центре внимания тех, кто находился в поселке. Кем бы они ни были.

– Зачем мирным жителям стрелять из снайперской винтовки по тем, кто возит им продукты? – прокричал Ключников.

– Хороший вопрос! – похвалил Зубов. – Если только это мирные жители!

– Я задам вопрос иначе. В подразделении полковника Бегашвили кто-то вооружен снайперской винтовкой?

– Ну конечно, это же подразделение спецназа!..

Стольников долго молчал, глядя перед собой в землю и соображая. А потом снова вспомнил о «разгрузке». Проверил. Ерунда, можно зашить. Жилет сейчас сыграл роль бронжилета. А могло быть хуже, угоди пуля между магазинами...

Был бы бронжилет...

Он вспомнил, как в девяносто девятом его взвод весь день

сидел в засаде на улице Лескова в Грозном и ждал появления в трансформаторной будке боевиков. Утром Стольников обнаружил там «схрон» – четыре автомата, два гранатомета, ящик патронов и восемь гранат к РПГ. По приметам сходилось, что груз только что занесли, тщательно не маскировали, то есть вот-вот должны были забрать. Стольников взял с собой Жулина и Ключникова. Проморозив носы в неотопливаемом подъезде напротив будки, им удалось «принять» двоих курьеров с поличным, с гранатометами в руках. Помяв их и сдав в прокуратуру, вернулись в подъезд в ожидании, пока придет «броня». Адреналин выплескивался наружу через глупый смех и бессмысленные разговоры.

За этим занятием и застала их женщина лет тридцати, с грохотом спустившаяся по лестнице. Она мчалась вниз, ноги не поспевали за ней, так что, не доходя до опеших и уже вскинувших автоматы разведчиков нескольких шагов, она упала и по замерзшим ступеням катилась уже на спине.

– Аллах милостив!.. – кричала синяя от страха чеченка на русском. – Аллах милостив!..

– Руки покажи!.. – приказал Стольников, не отводя от ее лица ствол автомата. Знал он таких шустрых, подкатывающихся к ногам офицеров с «Ф-1» в руке...

– Слава богу, что вы здесь! – кричала как заведенная она, простирая к ним руки.

– Что стряслось, тетка? – Ключников играл пальцем на спусковом крючке, поглядывая вверх между лестничными

пролетами.

– Помогите ради бога!..

От их ответа зависела жизнь маленькой десятилетней девочки. Недоделанный отчим заперся с ней в квартире, а если верить плачущей маме, что босиком скатилась к ногам разведчиков, у того не все в порядке с головой. Зато у него все в порядке с обрезом ружья двенадцатого калибра, который он вырезал полчаса назад. И еще, оказывается, после пол-литра местного самогона он пообещал с девочкой расправиться. Причина проста: девочка ему не родная. Ну кто после этого нормального мужика не поймет? Не родная ведь... Чего бежать к военным-то?

Стольников спросил этаж, как расположена квартира и помчался наверх. Следом ринулись и Жулин с Ключом. Саша бежал и понимал, что в квартире сейчас его может встретить кто угодно. И это вполне может быть не пьяный бытовик, а полувзвод обдолбанных «чехов», решивших заманить русских в ловушку. Но он бежал.

Когда они стояли перед дверью, цыкая на тонко подвывавшую супругу безумца, в голове Стольникова, да и в головах прапорщика и сержанта, конечно, стоял один вопрос. Где сейчас в квартире находится маленькая десятилетняя девочка? Вопрос не праздный, если учесть тот факт, что при сложившихся обстоятельствах без насилия над личностью отчима не обойтись, а в панельных домах пули имеют обыкновение делать в квартире по два-три рикошета. Дробь из об-

реза рикошетов не делает, зато цепляет все на своем пути, что нужно и не нужно.

Стольников шагнул назад и вложил в удар весь свой вес. Дверь вылетела с одного удара...

Уже вбегая в коридор квартиры, пытаясь рассмотреть сквозь пыль известки от поврежденного косяка отчима и девочку, капитан понял, что опоздал. У него нет времени для принятия решения, как нет времени даже для необдуманного поступка. Ему в грудь смотрели, чернея пустотой, два расположенных рядом отверстия. Последнее, что он запомнил, были едва различимые стружки на свежих срезах стволов двенадцатого калибра...

Страшный удар сзади, одновременно с грохотом выстрелов, заставил Стольникова рухнуть на живот и в кровь разбить подбородок...

Кабанья картечь, в клочья разорвав на стоявшем позади него Жулине бронезилет, отбросила прапорщика к стене. Как кукла с разведенными в стороны руками, он медленно опускался на пол...

В миллионные доли секунды Стольников догадался, что Жулин сориентировался во времени быстрее него. Он сбил капитана с ног, чтобы дробь ушла мимо.

Понимал ли в тот момент прапорщик, что если выстрел не попадает в Стольникова, то тот же самый выстрел наповал валит его?

«Нет, – отмахивался потом Жулин, матерясь, – ничего я

не понимал. Автомат сработал. Отвяжись!»

Но это было потом, через неделю. А сейчас, захлебываясь кровью и задыхаясь, непослушной рукой прапорщик пытался разлепить на бронежилете липучки.

Не в силах даже закричать от ярости, чувствуя, как голова разрывается от боли, Стольников вскочил на ноги. Пьяный чеченец продолжал держать в руке дымящийся обрез. Сколько было выстрелов? Два? Один? Саша не считал, потому что для него не было разницы.

Когда отчим, уже – не отчим, уже – вообще никто, упал на стену и стал растирать по обоям собственную кровь, Саша кинулся к Жулину. Прапорщик улыбался, что-то шепча ему окровавленными губами.

– Что? Олег, потерпи, дорогой!.. Я знаю, что больно...

Стольников сорвал с его плеч бронежилет и подложил под голову. Картечь не тронула тела. Жулин задыхался от страшного по силе динамического удара. Он продолжал что-то бормотать. Капитан видел, как от напряжения вздуваются на его лбу вены.

– Что?! Молчи, Олег!..

Бесполезно. Что знал в тот момент Жулин, чего не знал Стольников?!

Саша прижался ухом к его кровавым губам.

– У тебя жилета нет, Саня... Ты не надел жилет...

Да, Стольников редко надевал жилет. Он ему мешал.

Вот и сейчас, когда он рассматривал разорванную выстре-

лом «разгрузку» на боку, он встретился с глазами прапорщика. Жулин смотрел, тревожно блестя глазами.

– Все в порядке, Олег!

– Предупреждение? – предположил Баскаков.

– Мне все равно! – ответил Стольников. – Триста метров – короткими перебежками – вперед!..

Группа снялась с места. По двое, трое разведчики броском поднимались над землей, выписывали замысловатые траектории и тут же падали рядом с удобным укрытием. Кто падал не в траву, а на прожженные проплешины, старался откатываться в сторону сразу, как поднимал пыль. Получать пулю по ориентиру не хотелось.

Группа уже продвинулась вперед на сотню метров, но больше выстрелов со стороны поселка не было.

Но едва Стольников подумал о том, что кто-то из людей полковника Бегашвили мог случайно пустить пулю-дуру, как рядом с его головой раздался короткий свист. словно промчался мимо, издав хищный звук, сапсан.

– Саня, по тебе бьют, прицельно! – подал голос Зубов.

Двигаться как разведчики в своем возрасте он уже не мог, выходило тяжело и неловко, но группу не задерживал. Чего ему это стоило, видели все. На лбу Зубова бугрились вены, пот заливал лицо. Несколько раз он связывался со Жданом, отдавая какие-то замысловатые распоряжения.

Когда до ближайших домов Южного Стана оставалось не более ста шагов, Стольников велел подогнать машины. «Ро-

веры», чьи двери и капот были защищены от автоматных пуль и осколков, но были бесполезны при защите от снайперской винтовки дальнего боя, скользнули в овраг, скрылись из виду и только спустя минуту появились: один на левом фланге, второй – на правом.

– Поднять стекла, – приказал Зубов.

Тонированные почти в черный цвет стекла бесшумно превратили машины в легкие бронетранспортеры. Толщина стекол не вызывала сомнений – пули от них отскочат.

– Двигаемся к центральной улице! – приказал Саша. – Татарин, Ключ, Жулин – по правую сторону, остальные – со мной!

Джипы вкатились в поселок и медленно поехали вдоль дороги рядом с асфальтированными тротуарами. Стольников отдал должное строителям – дома здесь строились не как для потерявших жилье при наводнении в Крымске. Это были кирпичные, выстроенные хоть и без строгого архитектурного замысла, но все-таки стоящие вдоль улиц коробки-крепьши. Саша тут же вспомнил дом Басаева в Грозном. После штурма к этому дому подогнали танк и били в упор. Повалить стену танкисты смогли только после второго выстрела.

Одноэтажные дома чередовались с двухэтажными, несколько домов на центральной улице выделялись своей высотой – они были в три этажа.

«Роверы» катили вдоль тротуаров, бойцы, прячась за их кузовами, шагали гуськом, пригнувшись. Те, кто шел справа,

контролировали крыши домов и окна слева, те, кто двигался по левую руку, держали под прицелом все живое справа.

Впрочем, живого было немного. Город словно вымер. Ни одного человека на улице, ни одного животного. Лишь приноровившиеся к обстановке скалистые голуби перетаптывались на коньках крыш, толкаясь и ворча.

«Где мычание скота?» – вдруг подумал майор. Приглядевшись к крышам, он не заметил голубей. Скалистые голуби в Чечне – дело привычное. Быть может, дело в том, что здесь – Другая Чечня? Но Стольников своими глазами видел голубей в Крепости и на крыше тюрьмы.

Он внимательно присмотрелся к окнам. Ни одного лица. В поселке – ни единого звука. Только когда потянуло с запада ветром, с грохотом захлопнулась где-то форточка. Мамаев мгновенно отреагировал и прицелился.

Но – ничего необычного – просто форточка. Просто окно.
– Где люди Бегашвили, генерал? – бросил через плечо Стольников Зубову, крадущемуся сзади.

– Я и сам хотел бы это знать.

– Может, они проверили, нет ли опасности, и ушли?

– Тогда бы мы их повстречали. Дорога на «Мираж» проходила через нас... – Зубов поднес рацию к губам: – Третий, свяжись с Десятым. Где он?

– Почему бы вам напрямую не связаться с Бегашвили? – удивился Стольников.

Зубов промолчал.

Эти полутона стали беспокоить майора. Когда вот так идешь и не понимаешь, что делает человек у тебя за спиной, – это не дело. Но сейчас артачиться не стоило. Группа уже работала. Не хватало еще, чтобы бойцы чувствовали сомнение в командире.

Стольников поднял голову и выпрямился.

В этот момент он услышал приглушенный голос Ждана:

«Первый, я Третий. Связи с Десятым нет».

Глава 3

Джипы проехали треть центральной улицы и четыре перекрестка. Стольников помнил, как въезжал в поселки, похожие на этот. Люди тоже старались не выходить из дома. Даже в отсутствие боевиков. Но во дворах мычали коровы, когда были не на выпасе, блеяли овцы. За все время следования по Другой Чечне Стольников не заметил ни одного стада, ни одного следа. Скота нет в поселке? Но это же немыслимо. Людям нужно мясо, молоко...

Дальше перекрестков не было, дорога уходила строго направо и строго налево. Впереди был виден тупик, улица запиралась длинным одноэтажным зданием бледно-желтого цвета.

– Это больница, – подсказал Зубов.

Саша медленно осмотрелся.

Обычно все делается не так. Группа добирается до первого перекрестка, после чего первое отделение уходит влево, третье – вправо. Обе группы следуют до очередного перекрестка и разворачиваются, захватывая мини-квартал в кольцо. Идет зачистка территории. Второе отделение находится на месте, готовое в любой момент оказаться там, где дела обстоят хуже всего. После проверки территории отделение возвращается, и взвод продолжает следовать до очередного перекрестка. Так исключается возможность скрытного

перемещения искомых лиц из квартала в квартал. При учете того обстоятельства, конечно, что соседние улицы одновременно вычищаются тем же способом. Сейчас Стольников таким количеством людей не располагал.

Он не мог понять, куда могли деться люди Бегашвили. Понятно, что российский офицер с грузинской фамилией не повел в поселок весь свой батальон. Но как минимум рота здесь должна была появиться. И потом, «Винторез» мог быть только у снайпера его подразделения.

Саша понимал, что сидящие за рулем Мамаев и Ермолович смотрят на него в ожидании, какое решение он примет. Стольников поднял руку до уровня плеча и пальцами махнул – «налево».

«Роверы» повернули вместе с бойцами, и движение снова началось.

Заканчивалась еще одна улица. Сколько ни вглядывался в окна майор, он не мог заметить ни лица, ни даже шевеления занавески.

– Вы уверены, что в этом поселке есть хоть один живой человек?

– Уверен, – ответил Зубов. – И он умеет стрелять из «Винта».

Стольникову надоело это бессмысленное кружение. Коротко свистнув, он собрал всех у своего джипа:

– Я сейчас зайду в дом. Со мной Баскаков. Остальные на улице. Ушки на макушке, ясно?

Зубов не вмешивался. Стольников знал свое дело.

Осторожно приоткрыв дверь, майор вошел в подъезд. Можно ли было его назвать подъездом – неизвестно. Наверное, да – на лестничной клетке справа и слева было еще по одной двери. Квартиры. Гробовая тишина усиливала эффект опасной неизвестности.

Стольников толкнул дверь рукой.

Она бесшумно открылась и спустя несколько мгновений ударила о стену. Саша поднял автомат и приставными шагами стал входить в квартиру. Следом за ним, спина к спине, не отрывая взгляда от двери квартиры напротив, двигался сержант...

В квартире еще тише, чем в подъезде. Но – странное дело – Стольников успел отметить, что и там и здесь чисто, словно пол вымыт совсем недавно. А пахнет не свежестью, а деревом.

Шагнув в зал, майор быстро повел стволом из угла в угол. Чувствуя, как напряжена спина Баскакова, понял, что и тому тоже сейчас обстановка спокойной не кажется. Гораздо лучше, когда в тебя стреляют. Чего ждать здесь?

Стольников рукой толкнул дверь в комнату и снова взялся за цевье.

Это была очень странная картина. За обеденным столом – это была, оказывается, кухня, – сидели двое. Он и она. Положив руки на колени, они сидели с одной стороны стола и смотрели на Стольникова настолько безразлично, что у май-

ора пробежал по спине холодок.

«Что мне так не нравится в них?» – успел подумать он и тут же понял: лица людей были бледны, но это был не испуг. Люди не могут пугаться одинаково.

– Мы не причиним вам зла, – тихо проговорил Стольников. – Не бойтесь.

Мужчина и женщина продолжали сидеть, словно это относилось не к ним.

Баскаков осмотрел все места в квартире, которые, по его мнению, могли скрывать опасность. Обошел и вернулся. Осмотрел стены. Ничего особенного – водоземлюсионной серой краской они были покрашены до потолка. Потолок, как водится, белый. Ни фотографий, ни картин, ничего. В комнате: стол, потрепанные стулья и кровать. Застлана аккуратно, но без подчеркнутого педантизма. В кухне ящики на стенах, что-то вроде гарнитура. Уже с опущенным автоматом Стольников спрашивал:

– Как вас зовут?

Молчание.

– Эй!..

Женщина медленно подняла на майора пустые глаза.

– Вы видели в поселке вооруженных людей?

– Обкурились, что ли? – предположил Баскаков. – Я пойду, гляну в квартире напротив.

Стольников кивнул, пытаясь разглядеть в лицах хозяев квартиры хоть какой-то смысл. Заодно посмотрел на свиса-

ющий с потолка конец. Патрон присутствовал, лампочки не было.

Дверь на площадке скрипнула.

– У вас здесь у всех привычка держать двери открытыми?

Он и не надеялся, что получит ответ. Держа автомат в руке, выглянул в окно. Бойцы с генералом находились в прежней позиции – за одним «Ровером». Второй стоял, и не было слышно урчания его двигателя.

– Баскаков! – позвал Стольников и еще раз повернулся к людям за столом: – Вам нехорошо?.. Баскаков!..

Этот крик можно было услышать и на улице.

– Уходите...

– Что? – резко развернулся майор, не веря, что услышал от этих двоих хоть что-то.

– Уходите из поселка...

Стольников замер.

– Вы видели здесь вооруженных людей? – повторил он вопрос. – Баскаков, чтоб тебя!..

Лицо мужчины перекосил нервный тик.

– Поздно... – проскрипел он едва слышно.

– Что поздно? О чем вы говорите?..

– Мы – потерянные...

– Да ничего вы не потерянные! Все в порядке!

– Стены встали...

Стольников нахмурился:

– Какие стены, приятель?

Мужчина нашел на его лице глаза и замер. Последний раз такую картину Стольников видел в террариуме Инсбрукского зоопарка. Ему стало не по себе.

Спиной вперед он вышел на площадку. Кричать сержанту в третий раз он не посчитал нужным. Баскаков из тех людей, которые хорошо слышат.

Ударом ноги распахнув прикрытую дверь, он ворвался в квартиру.

На полу лежал и корчился, держась за шею, мужчина лет сорока. Под ним расплывалась, увеличиваясь в размерах, черная лужа. А над ним стоял, сжимая автомат, онемевший сержант.

– Что случилось? – выдохнул Стольников.

– Я вошел в квартиру, а он... – И Баскаков недоуменно пожал плечами.

– Зачем ты его порезал?!

Не раздумывая ни секунды, Стольников схватил стоявший рядом табурет и запустил им в окно. Переломив как печенье оконный переплет, табуретка вылетела на улицу и грохнулась на асфальт. Через мгновение майор услышал топот ног на лестнице.

– Двое направо, Татарин со мной! – услышал Саша голос Жулина.

– Я не резал его, командир!.. – вскричал Баскаков.

«Ну конечно! – вскипев, подумал Стольников. – Не резал он!.. У парня просто сработал механизм – он увидел неиз-

вестного, и рука сама сработала, вот что... Махнул ножом и чуть не отсек гражданскому голову. А сейчас подвирает, понимает, видимо, что не в «зеленке» находится, а в жилом доме...»

– Ермолович, ко мне!.. – проорал во все горло майор. – Ко мне, быстро!..

Бывшему санинструктору разведвзвода не нужно было объяснять, зачем его зовут. Срывая на бегу сумку, он рухнул коленями прямо в лужу крови перед местным жителем.

– Ты можешь что-нибудь сделать?!

– Я сейчас посмотрю...

Мужчина, хрипя, перевалился на спину. Выставив вперед зажатую в кулак руку, он протянул ее к Стольникову.

– Я здесь, я здесь, старик! – прокричал Саша. – Все будет хорошо, только не шевелись!..

С треском расстегнув сумку, Ермолович выдернул из нее, как змею, длинный розовый медицинский жгут.

– Жгут на шею?! – изумился Мамаев.

– Разорвите бинты, много бинтов!.. – взревел Ермолович. – Мне нужно много бинтов!

Продолжая хрипеть, мужчина тянул к Стольникову руку. Его широко открытые глаза, казалось, вот-вот лопнут от напряжения. Стольников схватил его кулак, стиснул.

– Все будет хорошо. – И обернулся к бойцам: – Что рты раскрыли, мать вашу?! Прошмонайте мне весь этот дом!.. Может, здесь еще кто-то с топором над головой стоит! Эй!..

Не понимая, отчего так упрям мужчина, майор схватил его кулак и второй рукой.

– Ермола сейчас все сделает правильно, ты не гоношись! Будем жить, понял!..

Губы мужчины что-то шептали, и Стольников почувствовал, как из кулака местного жителя ему в ладонь упал какой-то предмет. Вскинув от изумления брови, он поднес окровавленную руку к лицу. Разглядев и поняв, что передал ему хозяин квартиры, он побледнел и быстро, словно боялся, что увидит еще кто-то, стиснул пальцы.

Тем временем Ермолович, прижав левую руку раненого к голове, накинул ему на шею жгут и стянул рану вместе с рукой. Он мог дышать, и в то же время вена была перетянута. Кровь нехотя перестала пульсировать из резаной раны, но мужчина угасал на глазах.

– Я его пальцем не тронул! – кипятился Баскаков. – Я зашел, а он по полу елозит!..

– В этой больнице есть операционная и человек, который умеет резать?! – спросил санинструктор генерала, вскидывая голову. Обеими руками он прижимал к шее раненого размотанные и стиснутые в кулаках бинты. – Я не Авиценна, поплевать и заживить не могу, нужно оборудование!

– Главврач – хирург, – ответил Зубов и бросился к окну.

– У меня есть пять минут. Если через пять минут мужик не ляжет под физраствор и не получит хотя бы литр крови, я его потеряю.

– Машину ко входу!.. – рявкнул Зубов.

Разведчики унесли местного и уложили в кузов. Ермолович запрыгнул следом, Маслов дождался, когда в кабину сядет генерал, и через секунду «Ровер», взревев, помчался в сторону больницы.

Прыгая по лестнице, Стольников, чтобы не ошибиться, еще раз посмотрел на предмет в руке.

– Глазам не верю, – пробормотал он и спрятал находку в карман.

Ключников, Айдаров и Мамаев, скользя меж деревьями, уличными печами и пристройками, обходили участок.

– Выведите мне на улицу всех, кто здесь есть! – приказал, стиснув зубы, Саша. – Всех!..

Таких оказалось пятеро. Четыре мужчины и одна женщина. Все возрастом от двадцати до сорока. Все из разных квартир. Стольников окинул их взглядом. Та же бессмысленность в глазах. Тот же синюшный цвет лица. Полное отсутствие реакции на внешние раздражители.

– Я спрошу только раз, – тихо проговорил Стольников, чувствуя, как накатывает ярость. В такие минуты он всегда боялся, что может совершить поступок, о котором будет сожалеть весь остаток жизни. Как правило, не совершал и не сожалел. – В этот поселок вошли вооруженные люди. Кто их видел?

Никто не ответил.

Он шагнул к первому из мужчин и мощным ударом в

грудь повалил его на землю:

– Хватит прикидываться идиотами!

Мужчина смотрел на него с земли как на дерево.

– Что вы скрываете?!

– Командир... – осторожно вмешался прапорщик.

– Где они?! Говори!.. – Шагнув вперед, Стольников повалил одного за другим еще двоих. Они не выглядели по сравнению с ним subtilно, но силе майора противостоять не могли. Саша почувствовал, как к его удивлению примешивается досада на самого себя. Это он должен был проверить все квартиры, а не Баскаков. А там смотришь, и убийца бы не ушел.

– Саня!.. – позвал его Жулин. – Саня, брось! Посмотри на них!.. Они же не понимают тебя!

Стольников, тяжело дыша, впился взглядом в лежащего прямо перед ним мужчину. На лице жителя Южного Стана не было никаких эмоций. Ему было все равно. И без того темные глаза из-за расширившихся зрачков выглядели пулевыми отверстиями...

– Третий, я Первый, прием! – настойчиво проговорил в рацию генерал Зубов. – Ответь!

– Третий на связи!

– Где Десятый!

– Десятый на подходе!

– На каком, к черту, подходе?.. Откуда он следует?!

После короткой паузы Ждан ответил:

– Он следует из «Миража».

– Какого дьявола, мать вашу?! Я же приказал проверить Южный, а уж после следовать к объекту!..

Следующая пауза получилась чуть длиннее:

– Десятый говорит, что Южный проверен. Они вышли из него двадцать минут назад. Он отправился к объекту, оставил там часть, а вторая часть под командой Девятого сейчас следует к Южному, чтобы обеспечить поддержку.

– Кто ее просил?!

– Десятый сообщил, что это ваш приказ.

– Мой приказ?! Я вам глотки перегрызу, гармонисты деревенские!.. – взревел Зубов и отключился.

– Трудно воевать со слабоумными, но инициативными военнослужащими, да, Александр Львович? – бросил майор и усмехнулся. Разговор он слышал.

Зубов уронил на колено руку с ракетой. Он ничего не понимал. Он велит Бегашвили проверить Южный Стан и отправляться в тюрьму для организации работ на объекте. Вместо этого Бегашвили проверяет Южный Стан, убеждается, что боевиков в поселке нет, и снова следует колонной к «Миражу». Допустим, ошибся. Допустим, это его последнее задание в НИИ. Но если нет боевиков в Южном Стане, зачем отправлять Вакуленко с частью батальона к Южному Стану для организации поддержки?

– Я что-то, может, не по-русски сказал? – процедил, стис-

нув челюсти, Зубов. – Ну, следуй, следуй. Сейчас я тебе гланды через задницу вырву...

Главврач больницы объекта «Южный Стан» вышел из операционной, вытирая полотенцем руки. Зубов поднялся, вынул сигареты.

– Здравия желаю, товарищ генерал-полковник, – приборотал доктор, прикуривая. – Что-то не успели мы сегодня даже поздороваться...

– Что раненый?

– Дел вы наделали, товарищ генерал...

– Как раненый, спрашиваю?

– У него обширная кровопотеря, пациент без сознания. Сантиметр повыше – и сонную артерию распорол бы пополам. А так просто зацепило. Удивительно, но жить он, думаю, будет. Крепкий мужик.

– Прогнозы?

– Я не ясновидящий. Теперь все от него зависит. Вы сделали все возможное. Пять минут лишних – и он остался бы вообще без крови. Я сейчас восстановлю ему запас, у меня есть резерв. Главное, чтобы кровоснабжение в мозге не было нарушено. Вот и все.

Зубов взял его за руку, отвел в сторону:

– Вы не заметили характер раны?

– Нет, – ответил доктор. – А что с раной?

– Она похожа на змейку. Такие разрезы получаются после удара ножом с лезвием, похожим на стропорез.

– И что?

– Такие ножи могут быть только у бойцов спецназа.

– Вы меня простите, но я в этом не разбираюсь. Мое дело – шить и резать.

Генерал, не отвечая, отошел к Стольникову.

– Все слышал, – пробормотал майор.

– Что думаешь об этом?

– Я сегодня уже видел такой нож.

– Где?

– На лестничной клетке НИИ. – Он посмотрел на главврача: – Скажите, вы видели здесь кого-нибудь?

– В смысле?

– В смысле – на улице. Боевики, наши люди в грузинской форме?

– Признаться, я с утра за работой... Может, Настасья видела? Настя!

В коридоре проявилась высокая стройная девушка с туго собранными на затылке в клубок волосами. Белая шапочка была скорее аксессуаром, чем играла свою настоящую роль. На голове белокурой красавицы шапочка сидела как диадема.

– Настя, люди Бегашвили в поселке сегодня были?

– Я не видела.

– Понятно, – процедил Зубов. – Значит, бессмысленно спрашивать и о боевиках... Куда же они подались?..

Это было удивительно. Боевики, те, что ввели себе анти-

дот и покинули «Мираж», шли пешком. Вероятно, разбились на подразделения, так удобнее. Скорее всего, на роты. Со времен Македонского рота – самое боеспособное и жизнеспособное подразделение, как бы оно ни называлось. Двигались параллельно друг другу. Проскочить мимо Южного Стана не могли. Им нужна еда, медикаменты, вода. Но они могли умышленно не зайти в поселок, опасаясь, что их там может ждать засада. Обогнули, как вода камень, и ушли еще южнее. Куда? В Грузию! Они уверены, что находятся в Грузии. И сейчас ломятся на восток в направлении, как они думают, Ахметы. Чтобы там разойтись на группы и следовать до Тбилиси или вернуться в Россию через Дагестан.

Зубов поймал себя на мысли, что не о том думает. Ему нужно соображать не как обманутому боевику, а как руководителю спецоперации, который был автором этого обмана.

– Нет, а иначе как же мне понять, куда они подались, – вслух он оправдал себя.

– Что говорите?

– Я говорю, что хрень какая-то получается, доктор. – Он похлопал врача по плечу и закинул автомат за спину. – Хрень. Самая настоящая.

– Кстати, где скотина? – вмешался Стольников.

– Вы о ком?

– О скотине. Крупнорогатый скот, овцы, козы? Где они?

– Местные держали одно время животину, но она передохла. Оставшуюся съели.

Он вышел на крыльцо в тот момент, когда к больнице подъехал, отчаянно визжа тормозами, «Ровер» со Стольниковым.

– Ну что?

– Никаких следов присутствия. Если здесь и были, то как в воду канули.

– А местные?

– Местные молчат как рыбы. И стали какие-то нервные после этого случая с раненым. Урчат...

– Любой бы заурчал. – Зубов снял кепи, вытер ладонью пот со лба. – Что думаешь, майор?

– Я послал Татарина посмотреть, есть ли следы за поселком. Пятьсот человек протопать, без того чтобы бросить окурок или упаковку от таблеток, не могли.

– Верно, не могли. Но у меня такое ощущение, что протопали.

– Вопрос можно? Вы хорошо знаете всех этих – Вакуленко и иже с ним?

– Дерзкие, наглые, но исполнительные офицеры. А что?

– Ничего. Сколько лет они служат у вас?

– Около пяти лет.

– Долго, стало быть... А Бегашвили?

– Когда ты скрылся после операции в Ведено, он в бригаду капитаном прибыл. На твое место, Саша.

К ним быстрым шагом подошел Жулин.

– Где люди? – бросил ему Стольников.

– Заканчивают проверять южную часть поселка.

– Результаты есть?

– Только эти чокнутые. Но ни на одном – ни следов ранений, ни потертостей на плечах, ни следов ружейного масла на одежде.

– Прошли те времена, когда у них один комплект одежды был.

– Тем не менее – ничего.

– Подвалы? Чердаки, хозпостройки? Ну не могут пять сотен боевиков идти мимо поселка и не зайти в него! Генерал, сколько времени прошло после их побега из тюрьмы?

– Двенадцать часов.

– Двенадцать! До «Миража» шесть километров. Они туда-сюда уже десять раз могли пройти, а им всего раз-то и нужно было. Жулин, ты внимательно смотрел?

– Я устал повторять одно и то же, Саня.

– А ты повторять будешь, пока я не скажу прекратить повторять. – Поморщившись как от зубной боли, Стольников повернулся к Зубову: – Товарищ генерал, а боевики после ухода из тюрьмы могли уйти не к Южному Стану, а вообще в другом направлении?

– Маловероятно. Географически они мыслят всегда верно. И где они находятся в Грузии, им представляется достаточно хорошо. Если солнце встает справа от «Миража», они пойдут на юг. Спасительная часть Грузии – на юге.

«Но они могли пойти, чтобы сбить со следа, наоборот, в

малолюдные места», – подумал Саша и попросил генерала связаться со Жданом. Люди Бегашвили должны проверить эту версию.

Генерал перебросился парой фраз с полковником в НИИ.

– Зайду в больницу, – пробормотал, ожидая своих бойцов, Саша. – Горло пересохло.

Он стоял над местным жителем, а медсестра вводила в вену раненого какое-то лекарство.

– Я вас очень попрошу, красивая, – пробормотал Саша. – Сделайте для него все возможное. Очень уж не хочется оставлять о нашем появлении плохие воспоминания. Хоть мы к этому и не причастны.

– Я понимаю, – улыбнулась ему девушка.

– Как вас зовут?

– Настя.

– Пообещайте.

– Я обещаю.

– А что с населением здесь происходит?

Настя поправила волосы, обошла майора и подошла к столу, где лежали инструменты:

– В каком смысле?

– В том смысле, что они выглядят дебилами. Вас это не смущает?

– А как бы вы себя вели, если бы вас вдруг переместили сейчас на Марс? Представьте, что я вот сейчас возьму ка-

кую-нибудь коробочку, открою, и из нее выйдет ваша жена. Скажет: «Привет, милый! Давай, погуляем?» И тут она вспомнит, что оставила в Москве утюг включенным. Я скажу: да нет проблем. Нажму кнопку, и она улетит в Москву утюг выключать. Для меня это будет нормальным, а как вы будете себя чувствовать при этом? Какие будут эмоции?

– Вы слишком сложные аналогии для меня рисуете. Годы войны лишили меня чувства юмора и фантазии.

– Но вы все равно поняли меня.

– Да, – начал Стольников, – но...

– Я думаю, вы впадете в ступор. И при этом вы еще знаете, что такое айфон и синхрофазотрон. А они совсем недавно увидели грузовой автомобиль и градусник. Они все в непреодолимом шоке. Правильно?

– Нет, не правильно. Я не знаю, что такое синхрофазотрон. И у меня нет жены.

– Думаю, вы меня поняли, – и девушка улыбнулась.

– Скажите, а что у них значит – «стены встали»?

Она подумала:

– А кто именно вам это сказал?

Подумал и Стольников:

– Да сейчас на улице толпу выгоняли, так уже и не помню, кто из них. А есть разница, кто именно?

– Ну, у них у каждого свои проблемы. Как и у нас. Кто-то переносит стрессы спокойно, кто-то вешается, кому-то начинает казаться то, чего нет.

Стольникову показалось, что несколько минут времени он потерял даром.

– Вы присмотрите за этим парнем?

– Это моя работа...

Их разговор прервался длинной очередью.

Стольников выскочил на крыльцо и тут же скатился с него как мяч. С его ростом сделать это было сложно, но ничего другого не оставалось. Напротив входа в больницу, за углом жилого дома, стоял кто-то и поливал огнем пространство перед собой. На первый взгляд казалось, что делает он это вслепую. Но Стольников ясно видел сектор обстрела – пять метров справа от крыльца и пять метров слева. И ни одна пуля не ушла выше дверного проема. Стрелок знал свое дело неплохо. Так что лучше выглядеть сейчас мячом, чем через мгновение бревном.

«Странно только, что он стреляет в больницу, а не в тех, кто стоял на улице и был открыт как мишень на полигоне...»

Осматриваясь в поисках новой опасности, майор не заметил никого, кто поддерживал огнем этого стрелка. Окна домов были по-прежнему пусты, улицы мертвы.

Бойцы с генералом уже давно заняли позиции и коротко долбили по углу дома. Ключников залег в ста метрах дальше и стрелял одиночными за спину стрелку. Понимая, что тот интересен в живом виде, Ключников не целился, а просто давал понять – назад соваться боевику бесполезно.

– Ты видишь его? – крикнул ему Стольников.

– Да!

– Это «чех»?

– Да!

– Ну хоть что-то. Товарищ генерал, это не за ним мы сюда мчались? – едко пошутил майор, поворачиваясь к Зубову.

У беглого боевика между тем заканчивались патроны. Расстреляв в пылу несколько магазинов, он теперь стучал из-за угла дома одиночными. Сам угол здания уже не был похож на угол в известном смысле. Пули бойцов отбили штукатурку, бетон, кирпичи, и теперь дом выглядел так, словно его покусала гигантская крыса.

– Хватит патроны расстреливать! – прикрикнул Саша. – Эй!.. – Последнее относилось к боевику. – Хорош стрелять! Брось автомат и вываливайся на свет божий! Даю десять секунд, а после – команду «огонь на поражение»! Ну?

Сначала появился «калашников». Новенький, с сияющим лакированным прикладом, словно только что со склада. Он вылетел, описал окружность и загремел по асфальту. Ствольная коробка отскочила и забренчала, улетая дальше автомата. Такие Стольников видел в «Мираже». Это из арсенала сотрудников тюрьмы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.